

Расширенный пленум Моссовета.

Доклад А. В. Луначарского и приветствия рабочих.

МОСКВА. 31 мая в Большом театре состоялся расширенный пленум московского совета, посвященный общественно-политической и литературно-художественной деятельности Алексея Максимовича Горького. Зрительный зал и сцена Большого театра заполнены членами Моссовета и многочисленными представителями рабочих, партийных, профессиональных и других организаций. Присутствующие устраивают Максиму Горькому бурную, долго не прекращающуюся овацию. Наконец, аплодисменты стихают.

Первое слово предоставляется тов. Луначарскому, который, по его собственному определению, набросал социально-психологический этюд Максима Горького.

Вслед за этим председательствующий зачитывает только что полученную от председателя Моссовета т. Уханова приветственную телеграмму на имя Горького.

Далее выступает ряд представителей рабочих районов Москвы. Тов. Махов из Бауманского района сказал:

— Дорогой Алексей Максимович. Мы очень рады, что ты, наш писатель, опять с нами. 70 тысяч рабочих и ра-

ботниц Бауманского района послали вас приветствовать тебя и передать вот какую просьбу: «Алексей Максимович,—говорит тов. Махов при дружных одобрительных аплодисментах всего зала,—не уезжай обратно в Италию, оставайся с нами. Мы создадим для тебя все необходимые условия для отдыха и для дальнейшей работы. Ты поможешь нам своим художественным словом. Мы не будем тебя избирать почетным членом. Мы просто скажем: ты, тов. Горький, хороший парень, свой парень».

Закончив, тов. Махов вручил Горькому адрес от бауманских рабочих.

Комсомолка с ф-вы «Москвошвей» преподнесла Горькому костюм конструктора.

Через некоторое время ушедших с трибуны пожилых рабочих сменили школьники и пионеры, пожелавшие также передать свой привет М. Горькому.

Переполненный зал снова сотрясается от аплодисментов, когда тов. Волков предоставляет слово для ответа на приветствия М. Горькому. Речь тов. М. Горького присутствующие выслушивают с напряженным вниманием.

Речь М. Горького.

Дорогие товарищи, я начну с возражения Анатолию Васильевичу. Дело, видите ли, в том, что случай с Горьким нельзя рассматривать, как исключительный случай. Тот факт, что некто Алексей Пешков, преодолев свою малограмотность и кой-какие внешние препятствия, стал литератором сравнительно таким же, как литераторы, проходившие гимназию и университеты, то это, в сущности, нельзя считать исключительным, нельзя. Если до Горького, скажем, этого не было, то теперь, сейчас, в этот день, здесь, где сидит 2.500 строителей новой жизни, новой культуры, здесь таких людей, вероятно, найдется не одна сотня. И вообще сейчас в России таких биографий, вероятно, тысячи.

Я немного знаком с людьми, живущими в огромном Советском Союзе. Я получил бесчисленное количество биографий, более ужасных по своей жизни, чем то, что когда-то было пережито мною. Об этом не стоит больше говорить. Дело не в том, каков человек был в прошлом, а в том, что такое он сейчас, в этот день и вообще, видите ли, суть не в дедушках и бабушках, а во внуках. Да, да! Когда я вижу вот этих внуков в б. императорск. Большом театре, как у себя дома, то это— вещь, это—хорошо (аплодисменты). Это дорого стоит, но зато дорого и заплачено. Но все-таки это стоит дороже, чем за это заплачено. Этот товарищ, с которым я сейчас публично целовался, это, знаете ли, вещь. Это есть то, за что можно было заплакать, и можно было заплатить даже больше. За это заплатил класс, но это оправдано. Товарищи, ваши страдания, страдания отцов ваших—оправданы.

Мне к этому вечеру дали краткий очерк той работы, которая сделана здесь вами, строителями Москвы, хозяевами, за эти 6—7 лет. Когда я посмотрел на этот краткий очерк, то там оказалось 20 страниц и бесчисленное количество ссылок. Я знаю эту работу, я чувствую ее и за этими ссылками, за этими 20-ю страницами для меня лежит другое.

Милые товарищи, я сегодня был в гостях у Владимира Ильича. Этого человека я любил, как никого. И пользовался тоже его вниманием и любовью. (Волнение не дает Горькому говорить). Ну, конечно, ладно... Ведь, я уехал, когда он был еще здоров... Ну, да, ладно. Что об этом говорить... Каждый из вас прекрасно знает, что значит потерять этого прекрасного, великого человека... Само собой разумеется, что сегодняшней визит мой потряс меня сильно, очень сильно. И вот это сейчас отразилось, я не могу говорить спокойно.

Но представьте, товарищи, после этого я поехал в институт Маркса и Энгельса, и когда я там поглядел на гигантскую работу Рязанова и его товарищей, его помощников, я вдруг вспомнил со стыдом, что то глубокое потрясение (а я умею чувствовать), которое я пережил несколько минут тому назад, я утратил его, я потерял его. Почему? В чем дело? Товарищи, в этом виноваты вы, потому что вами создана такая атмосфера, атмосфера напряженного драматизма. Но, товарищи, это атмосфера изумительной энергии, которая насыщает человека.

Мне 60 лет, я кое-что видел. Я больной, но я приехал сюда гораздо более больной, чем я есть сейчас, потому что, во-первых, я не узнаю города. Я знаю все его дома, но я вижу других людей. Это молодые, сытые люди. Это проклятое противоречие между той бессмысленной и отвратительной роскошью, которую я вижу на Западе, и теми лохмотьями, которые находятся там рядом,—этого здесь нет. Но не в этом дело. Все, что сделано за это время,—это удивительно, товарищи. Ведь, денег нет, подчас нет понимания того, что делать нужно. А вместе с тем сделано колоссально много. Вы знаете лучше, чем я, о тех достижениях, которые имеются. Это какое-то чудо. Я вижу, что вы необычайно развились, что вы изобретаете, что вы идете по пути строительства. Вы, может быть, этого не видите, потому что вы возвращаетесь в своей среде ежедневно. А у человека, который немножко смотрит в стороны, точка зрения несколько шире и впечатлений больше.

Почему же, товарищи, вы в газетах и в отношении друг с другом слишком резки, слишком беспощадно парашаете друг друга? Товарищи, не надо этого делать. Надо быть как-то дружелюбнее, надо быть как-то мягче. Каждый из вас достойный человек, каждый из вас хороший работник, и надо как-то лучше относиться друг к другу. Ведь, вы находите возможным относиться ко мне хорошо... (аплодисменты). Это, товарищи, естественный вопрос. Что из того, что я написал что-то. Писательский труд, ведь, это небольшой труд, а ваш труд колоссальный, и нужно относиться друг к другу как-то иначе. Вам нужно завести перед собой какое-то зеркало, в котором вы должны видеть не только в одной плоскости, но вам нужно давать себе ясный отчет во всех областях.

Вам нужно знать ясно и отчетливо, что делается влodu, всюду. Несомненно, что произошло какое-то удивительное совпадение. Несомненно, что сдана из великих идей—коммунизм—попал на какую-то чрезвычайно плодотворную почву. Может быть, это потому, что здесь имеются исключительно благоприятные условия и имеются такие люди, как вы. Я жил там отшельником, читал газеты, писал письма и имел смутное представление о том, что делается на улицах Москвы. Теперь это представление ясное и рельефное. И уже со многими говорил, многих видел, я должен сказать, что это—другой народ, это не тот народ. Это не тот народ, который я знал, не тот, о котором я писал. Этот народ должен и может создать своих писателей и создает их. Он должен и может сделать все, что он хочет, и делает.

Дорогие товарищи, на Красной площади лежит Владимир Ильич Ленин. Здесь сидит коллективный Ленин. Этот Ленин должен как-то углубиться, возвыситься, он должен создать много Лениных, таких огромных, таких великих, таких настоящих, мировых, генеральных Лениных. Вот что я вам скажу, дорогие товарищи. Это все вы должны создать и можете создать. И вы должны относиться друг к другу лучше, чем вы относитесь. Цените выше друг друга. Вы достойны великой оценки. Вам это говорит не художник,

не литератор, вам говорит простой рабочий—русский человек. (Громкие аплодисменты, переходящие в овацию. Оркестр играет Интернационал).

Долго после речи Горького в зале не смолкал восторженный гул. Под этот гул, аплодисменты, крики «ура» принимается резолюция, приветствующая М. Горького. После заседания состоялся концерт.

На заводе „АМО“.

Вчера Максим Горький посетил завод «АМО». Алексей Максимович приехал на завод минут за 10 до обеденного перерыва. У ворот завода Горького встретили директор завода т. Лихачев и группа рабочих. Вместе с Горьким на завод приехали т.т. Халатов, Михайлов, Котов, Рогов и др. Зайдя на несколько минут в завком, Горький отправился оттуда в цеха для ознакомления с производством. В сопровождении большой толпы рабочих, Горький обошел кузнечный цех, токарно-механическую мастерскую и цех «шасси».

В цехах А. М. подробно спрашивал рабочих о ходе производства, и в частности, интересовался вопросом о стоимости и скорости производства заводом машин.

В обеденный перерыв рабочие около 1000 собрались в цехе «шасси» и тесным кольцом окружили Горького. Представитель завкома обратился к нему с просьбой сказать «несколько слов».

«У ВАС УЧАТСЯ РАБОЧИЕ ВСЕЙ ЗЕМЛИ».

Приветствуемый криками «ура», Горький взшел на грузовик и в напряженной тишине обратился к рабочим:

— Ну, что вам сказать, товарищи... Удивляет меня все это... Удивляет, как это вы ухитрились за столь короткое время построить такие предприятия, а самое главное—самих себя перестроить. Люди вы не похожие на других. Я говорю, конечно, не о физиономии. Глаза у вас другие стали. Я знаю—продолжает А. М.—что живется вам все еще не легко. Но, дорогие товарищи, рай на земле не скоро построите, хотя вы-то его и делаете. Основы социалистического общества вами уже положены. Лет через пять я, пожалуй, вас не узнаю: я буду вот такой маленький (показывает руками) а вы вот какие большие. Это не комплимент, товарищи, нет, нет. Но в другие слова никак не укладывается то огромное впечатление, которое вы производите. Я многое видал, видал и такие предприятия, как ваше, но то, что вы сделали, безусловно требует огромных сил. Вы работаете в своей стране, вы—хозяева этой страны. Вы являетесь в то же время учителями рабочего класса всей земли. Вас внимательно слушают и очень многому у вас учатся. Приветствую вас от всей души, молодые создатели новой жизни, приветствую!

Снова по заводу прокатывается громкое «ура».

От имени рабочих к М. Горькому обратился с приветствием т. Карпов.

С завода «АМО» Горький поехал в Моссовет, где был встречен членами президиума Моссовета. В Белом зале Горький был приглашен на товарищеский чай. За чаем он беседовал с членами Моссовета и особенно долго разговаривал с заведующей отделом рабочих МК ВКП(б) т. Байковой. А. М. спрашивал ее о делегатках, о рабочих и о журнале «Делегатка».